

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

УДК 94

О масштабах политических репрессий в СССР (против спекуляций, извращений и мистификаций)

Виктор Николаевич Земсков

Институт российской истории РАН, Россия
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Аннотация. Статья посвящена масштабам политических репрессий в СССР. В ней подвергаются критике многочисленные преувеличения масштабов репрессий, широко распространенные в публицистике конца 1980-х – 1990-х гг. в работах Р.А. Медведева, А.И. Солженицына, О.Г. Шатуновской, А.В. Антонова-Овсеенко и др. Автор характеризует как статистическое шарлатанство приводимые в данных публикациях цифры о десятках и даже сотнях миллионов жертв политических репрессий.

На основании изучения архивных фондов, прежде всего рассекреченных документов бывшего КГБ, I спецотдела и отдела спецпоселений НКВД–МВД СССР автор дает собственную оценку масштаба политических репрессий в СССР. Согласно его данным, общее количество жертв политического террора и репрессий, даже при самом расширительном толковании данного термина, не превышает 2,6 млн чел., в это число входят более 800 тыс. приговоренных к расстрелу по политическим мотивам, около 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн чел., скончавшихся в местах высылки (включая «кулацкую ссылку»), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.).

Ключевые слова: масштабы; политические репрессии.

Введение. Человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать, будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг – воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные его аспекты становятся объектом политических спекуляций. Все это в полной мере относится к проблеме статистики политических репрессий в СССР. В данной статье сделана попытка разобраться в этом остром и болезненном вопросе.

К концу 1980-х гг. перед исторической наукой встала острая необходимость доступа к секретным фондам силовых ведомств – бывшим и настоящим. В литературе, по радио и телевидению постоянно назывались разные цифры и оценки общего масштаба репрессий, как правило, ничем не подтвержденные. Но профессиональные историки ничего не могли противопоставить им, так как не имели соответствующего документального подтверждения.

На какое-то время сложилась несколько парадоксальная ситуация, когда снятие запрета на публикацию работ и материалов по этой теме сочеталось с традиционным

недостатком источниковой базы, так как соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей. По своему стилю и тональности основная масса публикаций периода горбачевской перестройки (да и позднее тоже) носила резко разоблачительный характер, находясь в русле развернутой тогда пропагандистской антисталинской кампании (особенно это характерно для многочисленных публицистических статей и заметок в газетах, журнале «Огонек» и т.п.). Скудность конкретно-исторического материала в этих публикациях с лихвой перекрывалась многократно преувеличенной «самоделной статистикой» жертв репрессий, поражавшей читательскую аудиторию своим гигантизмом.

В начале 1989 г. по решению Президиума Академии наук СССР была создана комиссия Отделения истории АН СССР во главе с членом-корреспондентом АН Ю.А. Поляковым по определению потерь населения. Будучи в составе этой комиссии, автор данной работы в числе первых историков получил доступ к ранее не выдававшейся исследователям статистической отчетности ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ. Комиссия Отделения истории действовала в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и уже тогда была опубликована серия статей по статистике репрессий, заключенных, спецпоселенцев, перемещенных лиц и т.д. [1] В дальнейшем эта работа была продолжена.

Согласно сводной статистике, имеющейся в Отделе регистрации и архивных фондов бывшего КГБ СССР (ныне – ФСБ РФ), за весь советский период (1918–1990 гг.) по обвинениям в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства были осуждены 3 853 900 чел., из них 827 995 чел. приговорены к смертной казни [2]. Несколько иной информацией располагал I спецотдел бывшего МВД СССР (ныне – МВД РФ). По статистике этого спецотдела, в период с 1 января 1921 г. по 1 июля 1953 г. по обвинениям в совершении контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлений было осуждено 4 060 306 чел., из них 799 455 – к высшей мере [3].

Несмотря на различие в терминологии, в обоих вышеприведенных источниках речь идет об одних и тех же людях, которых ныне обычно называют осужденными по *политическим* мотивам или жертвами *политических* репрессий. Подавляющее их большинство было осуждено по знаменитой 58-й статье. В статистических выкладках двух указанных ведомств присутствует довольно существенное расхождение, которое объясняется отнюдь не неполнотой сведений бывшего КГБ СССР, а тем, что сотрудники I спецотдела МВД СССР более широко трактовали понятие «политические преступники» и в составленной ими статистике присутствовала значительная «уголовная примесь». В частности, многие уголовники, совершившие крупные хищения государственного и колхозного имущества, учитывались I спецотделом как опасные государственные преступники и по его статистике входили в общее число «контрреволюционеров».

Тем не менее важно отметить, что статистические показатели I спецотдела МВД и бывшего КГБ, несмотря на расхождения, находятся в рамках одного масштаба. В таблице 1 представлена сравнительная статистика осужденных в 1921–1952 гг. по политическим мотивам (с указанием числа приговоренных к высшей мере) по данным указанных двух источников. По 15 годам из 32 соответствующие показатели МВД и КГБ в точности совпадают (включая 1937–1938 гг.), по остальным же 17 годам имеются расхождения, причины которых еще предстоит выяснить.

Сравнительная статистика за 1921–1952 гг. не лишена отдельных странных феноменов. Так, по учету КГБ (ФСБ) за этот период осужденных «контрреволюционеров» получается почти на 300 тыс. меньше, чем по статистике I спецотдела МВД, а приговоренных к смертной казни в их составе – на 16,3 тыс. человек больше. Конечно, основная причина такой ситуации кроется в данных за 1941 г., когда органы госбезопасности учли 23726 приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, а I спецотдел НКВД – только 8011.

В подлинной, подтвержденной документами статистике особое место занимают два года (1937 и 1938), известные как годы «Большого террора», когда наблюдался резкий взлет (или скачок) масштаба политических репрессий. За эти два года было осуждено по обвинениям политического характера 1 345 тыс. чел., или 35 % от их общей численности за период 1918–1990 гг. Еще более впечатляющая картина по статистике приговоренных к смертной казни из их числа. За весь советский период их было 828 тыс. чел., из них 682 тыс. (или свыше 82 %) приходится на 1937–1938 гг. На остальные 70 лет советского периода

приходится в общей сложности 146 тыс. смертных приговоров по политическим мотивам, или менее 18 %.

Таблица 1

Сравнительная статистика осужденных в 1921–1952 гг. по политическим мотивам (по данным I спецотдела МВД СССР и КГБ СССР)*

Годы	По данным I спецотдела МВД СССР		По данным КГБ СССР	
	всего	из них к высшей мере	Всего	из них к высшей мере
1	2	3	4	5
1921	35 829	9 701	35 829	9 701
1922	6 003	1 962	6 003	1 962
1923	4 794	414	4 794	414
1924	12 425	2 550	12 425	2 550
1925	15 995	2 433	16 481	2 433
1926	17 804	990	17 804	990
1927	26 036	2 363	26 036	2 363
1928	33 757	869	33 757	869
1929	56 220	2 109	56 220	2 109
1930	208 069	20 201	208 069	20 201
1931	180 696	10 651	33 539	1 481
1932	141 919	2 728	141 919	2 728
1933	239 664	2 154	239 664	2 154
1934	78 999	2 056	78 999	2 056
1935	267 076	1 229	267 076	1 229
1936	274 670	1 118	114 383	1 118
1937	790 665	353 074	790 665	353 074
1938	554 258	328 618	554 258	328 618
1939	63 889	2 552	66 627	2 601
1940	71 806	1 649	75 126	1 863
1941	75 411	8 011	111 384	23 726
1942	124 406	23 278	119 445	26 510
1943	78 441	3 579	96 809	12 569
1944	75 109	3 029	82 425	3 110
1945	123 248	4 252	91 526	2 308
1946	123 294	2 896	105 251	2 273
1947	78 810	1 105	73 714	898
1948	73 269	–	72 017	–
1949	75 125	–	74 778	–
1950	60 641	475	60 908	468
1951	54 775	1 609	55 738	1 602
1952	28 800	1 612	30 307	1 611
Всего за 1921–1952 гг.	4 051 903	799 257	3 753 490	815 579

*) ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205; Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; Лунев В.В. Преступность XX века. М., 1997. С. 180; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.

Эта статистика введена в научный оборот уже более 20 лет и используется в трудах профессиональных историков. Но дальше этого круга она почти не выходит, так как в публицистике, в средствах массовой информации она довольно дружно отвергается, и там предпочитают озвучивать на многомиллионную аудиторию сведения заведомо ложного характера, как правило, многократно преувеличенные и документами опровергаемые.

Говорится о десятках миллионов жертв политических репрессий, иногда даже сотнях миллионов. Иначе как статистическим шарлатанством это нельзя назвать.

Большой резонанс в обществе вызвала публикация Р.А. Медведева в «Московских новостях» (ноябрь 1988 г.) о статистике жертв сталинизма [4]. По его подсчетам, за период 1927–1953 гг. было репрессировано около 40 млн чел., включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода в 1933 г. и др. В 1989–1991 гг. эта цифра была одной из наиболее популярных при пропаганде преступлений сталинизма и довольно прочно вошла в массовое сознание.

На самом деле 40 млн чел. не получается даже при самом расширенном толковании понятия «жертвы репрессий». В это количество Р.А. Медведев включил 10 млн раскулаченных в 1929–1933 гг. (в действительности их было около 4 млн.), почти 2 млн выселенных в 1939–1940 гг. поляков (в действительности – около 380 тыс.), и в таком же духе абсолютно по всем составляющим, из которых слагалась эта астрономическая цифра.

Однако даже эти 40 млн чел. скоро перестали удовлетворять «растущим потребностям» определенных политических сил в очернении отечественной истории советского периода. В ход пошли «изыскания» американских и других западных советологов, согласно которым в СССР от террора и репрессий погибли 50–60 млн чел. Как и у Р.А. Медведева, все составляющие подобных расчетов были чрезвычайно завышены; разница же в 10–20 млн объяснялась тем, что Р.А. Медведев начинал отсчет с 1927 г., а западные советологи – с 1917 г. Если Р.А. Медведев оговаривал в своей статье, что репрессии не всегда сопровождалась смертью наказанных, что большая часть раскулаченных осталась жива, что из репрессированных в 1937–1938 гг. была расстреляна меньшая часть и т.д., то ряд его западных коллег называл цифру в 50–60 млн чел., физически истребленных и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др.

Это, конечно, не означает, что в зарубежной советологии не было исследователей, старавшихся объективно и добросовестно изучать советскую историю. Крупные ученые, специалисты по советской истории А. Гетти (США), С. Виткрофт (Австралия), Р. Дэвис (Англия), Г. Риттершпори (Франция) и некоторые другие подвергали открытой критике исследования большинства советологов и доказывали, что в действительности число жертв репрессий, коллективизации, голода в СССР было значительно меньше [5]. Однако труды именно этих зарубежных ученых с их несравненно более объективной оценкой масштабов репрессий у нас в стране замалчивались. В массовое сознание активно внедрялось только то, что содержало недостоверную, многократно преувеличенную статистику репрессий.

Поэтому, когда председатель КГБ СССР В.А. Крючков в своих выступлениях по телевидению (1990 г.) называл подлинную статистику политических репрессий (он неоднократно приводил данные по учету в КГБ СССР за 1930–1953 гг. – 3778234 осужденных политических, из них 786098 приговоренных к расстрелу) [6], то многие не верили ему. Журналист А. Мильчаков в 1990 г. делился с читателями «Вечерней Москвы» своим впечатлением от выступления В.А. Крючкова: «И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей “Вечерней Москвы” еще раз внимательно прочитать произведение А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”, прошу ознакомиться с опубликованными в “Московском комсомольце” исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50–60 миллионов человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден» [7].

Можно констатировать, что информационное противостояние Крючков – Мильчаков в плане влияния на массовое сознание завершилось победой последнего. Почему так произошло? Мильчаков довольно эффектно встал в позу «борца за историческую правду» (на самом деле все было с точностью наоборот – он в данном случае осознанно или не совсем осознанно выступал как борец за историческую неправду). Ни Солженицын, ни американские советологи, на которых ссылался Мильчаков, не имели доступа в советские секретные архивы, и, следовательно, вся их «статистика» является не более чем плодом их собственного фантазирования. Это понятно профессиональным историкам, но далеко не всем представителям многомиллионной читательской аудитории, на недостаточной компетентности которых активно спекулировали Мильчаков и ему подобные.

В июне 1991 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г., в котором говорилось: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, – только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 миллиона человек! Итак, всего мы потеряли от социалистического строя – 110 миллионов человек!» [8]. Формулировкой «от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения» А.И. Солженицын все людские потери в Великой Отечественной войне (сильно преувеличенные) фактически приравнял к умершим и погибшим в результате коллективизации и голодомора, которые многими историками и публицистами включаются в число жертв политического террора и репрессий.

В средствах массовой информации время от времени, но довольно регулярно приводилась статистика политических репрессий по воспоминаниям О.Г. Шатуновской. Она – бывший член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 1930-х гг. во времена Н.С. Хрущева. В 1990 г. в «Аргументах и фактах» были опубликованы ее воспоминания, где она, ссылаясь на некий документ КГБ СССР, впоследствии якобы таинственно исчезнувший, отмечала: «С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн 840 тыс. “врагов народа”. Из них 7 млн было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях» [9].

Мотивы поступка О.Г. Шатуновской не совсем понятны: то ли она сознательно выдумала эти цифры с целью мести (она была репрессирована), то ли сама стала жертвой какой-то дезинформации. Во всяком случае, документально подтвержденными данными, представленными в таблице 1, ее «статистика» безоговорочно опровергается. Утверждение О.Г. Шатуновской о том, что «большинство остальных погибло в лагерях» (надо полагать, 7–10 млн чел. от ее виртуальных почти 13 млн «остальных»), разумеется, тоже не соответствует истине. Подобные утверждения могут восприниматься как достоверные только в той среде, где господствуют ошибочные представления, что в ГУЛАГе якобы умерли и погибли десятки миллионов людей. Детальное изучение статистической отчетности о смертности заключенных дает иную картину. За 1930–1953 гг. в местах лишения свободы (лагеря, колонии и тюрьмы) умерло около 1,8 млн заключенных, из них почти 1,2 млн – в лагерях и свыше 0,6 млн – в колониях и тюрьмах [10]. Эти подсчеты не оценочные, а основаны на документах. И здесь возникает непростой вопрос: какова доля политических среди этих 1,8 млн умерших заключенных (политических и уголовных)? Ответа на этот вопрос в документах нет. Представляется, что политические составляли примерно одну треть, т.е. порядка 600 тыс. чел. Этот вывод базируется на том факте, что осужденные за уголовные преступления обычно составляли примерно 2/3 заключенных.

Наивысший уровень смертности имел место в 1942–1943 гг.: за эти два года в лагерях, колониях и тюрьмах умерла 661 тыс. заключенных, что в основном являлось следствием значительного урезания норм питания в связи с чрезвычайной военной обстановкой. В дальнейшем масштабы смертности стали неуклонно снижаться и составили в 1951–1952 гг. 45,3 тыс. чел., или в 14,6 раз меньше, чем в 1942–1943 гг. [11]. При этом хотелось бы обратить внимание на один любопытный нюанс: по имеющимся данным за 1954 г., среди свободного населения СССР на каждую 1000 чел. умерли в среднем 8,9 чел., а в лагерях и колониях ГУЛАГа на каждую 1000 заключенных – только 6,5 чел. [12]

Общее число заключенных (суммарно политических и уголовных) во всех местах лишения свободы (лагеря, колонии, тюрьмы) редко превышало 2,5 млн. Обычно оно колебалось в разные периоды, как правило, в пределах от 1,5 млн до 2,5 млн чел. Наивысшее количество заключенных за всю советскую историю зафиксировано на 1 января 1950 г. – 2 760 095 чел., из них 1 416 300 чел. – в лагерях, 1 145 051 чел. – в колониях и 198 744 – в тюрьмах [13].

Поэтому нельзя всерьез воспринимать, к примеру, заявления известного публициста А.В. Антонова-Овсеенко, уверявшего в 1991 г. читателей «Литературной газеты», что после войны в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось 16 млн заключенных [14]. На указанную им дату в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 млн., а 1,6 млн заключенных. Следует все-таки обращать внимание на запятую между цифрами.

Документально подтвержденные доказательства того, что статистика О.Г. Шатуновской недостоверна, приводились автором данной работы в статье в журнале «Социологические исследования» в 1991 г. [15]. Но по радио и телевидению продолжали пропагандироваться цифры О.Г. Шатуновской. Например, 5 марта 1992 г. в телевизионной вечерней программе «Новости» диктор Т. Комарова вещала на многомиллионную аудиторию о 19 840 тыс. репрессированных, из них 7 млн расстрелянных в 1935–1940 гг. как о якобы безусловно установленном факте. Хотя историческая наука доказала недостоверность этих сведений и уже располагала подлинной статистикой.

За счет 10-кратного преувеличения реальных масштабов жертв «Большого террора» в СССР в 1937–1938 гг. (с почти 0,7 млн до 7 млн.) отодвигается на второй план совершенное нацистами во главе с Гитлером и Гиммлером самое чудовищное гуманитарное преступление XX века – Холокост (уничтожение 6 млн евреев). Гитлер, Гиммлер и другие лидеры Третьего рейха уже не выглядят главными гуманитарными преступниками XX в. (каковыми они в действительности и были), так как на первый план выдвигается советское руководство во главе со Сталиным. И достигается эта поразительная «рокировка» посредством откровенного статистического мошенничества, в результате чего жертв политических репрессий в СССР в 1937–1938 гг. (приговоренных к расстрелу) становится на 1 млн больше, чем жертв Холокоста (на самом деле их было примерно на 5,3 млн меньше).

Именно под углом зрения указанной «рокировки» обработано западное общественное мнение. Здесь особенно «постарался» уже упоминавшийся публицист А.В. Антонов-Овсеенко, который в своей книге «Портрет тирана», изданной в 1980 г. в США на английском языке, уверял, что в 1935–1940 гг. в СССР по обвинениям политического характера якобы было расстреляно 7 млн человек [16]. На фоне этой фальшивой статистики «Большого террора» в СССР масштабы Холокоста блекнут.

Грандиозной мистификацией является прочно внедренный в массовое сознание известный миф о тотальном (или почти тотальном) репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. Мифология выстроена, как правило, в самых мрачных и зловещих тонах. Это касается различных публикаций, издававшихся на Западе и в нашей стране. Для того чтобы представить процесс репатриации советских военнопленных в СССР из Германии и других стран и его последствия в максимально жутком виде, используется исключительно тенденциозный подбор фактов, что само по себе уже является изощренным способом клеветы. В частности, смакуются подчас жуткие сцены насильственной репатриации личного состава коллаборационистских воинских частей, а соответствующие выводы и обобщения переносятся на основную массу военнопленных, что в принципе неправильно. Соответственно этому и их репатриация, в основе которой, несмотря на все издержки, лежала естественная и волнующая эпопея обретения Родины многими сотнями тысяч людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями, трактуется как направление чуть ли не в «чрево дьявола». Причем тенденциозно подобранные факты подаются в искаженном виде с заданной интерпретацией, буквально навязывая читателю абсурдный вывод, будто репатриация советских военнопленных осуществлялась якобы только для того, чтобы их репрессировать в СССР, а других причин репатриации вроде бы и не было.

Однако приведенные в таблице 2 данные решительно не подтверждают столь пессимистических оценок. Напротив, они вдребезги разбивают миф о чуть ли не поголовном репрессировании в СССР советских военнослужащих, побывавших в фашистском плену. В эту статистику вошли 1 539 475 военнопленных, поступивших в СССР за период с октября 1944 г. и до 1 марта 1946 г. из Германии и других стран, из них 960 039 прибыло из зон действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и 579 436 – из зон действий Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.) [17]. В 1945 г. из армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и соответственно их ровесники из числа военнопленных (свыше 280 тыс.) отпущены по домам. Часть военнопленных недемобилюемых возрастов была зачислена в рабочие батальоны – это отнюдь не репрессии, а одна из форм мобилизации рабочей силы (обычная практика в то время). Их направление к месту жительства ставилось в зависимость от будущей демобилизации их ровесников, продолжавших службу в Красной Армии. Большинство же военнопленных недемобилюемых возрастов было восстановлено на военной службе. Остался только спецконтингент НКВД (удельный вес – менее 15 %), при этом основную массу этой категории репатриированных военнопленных составляли лица,

которые в свое время после пленения поступили на военную или полицейскую службу к противнику.

Таблица 2

Распределение репатриированных советских военнопленных по категориям (по состоянию на 1 марта 1946 г.)*

№ № п/п	Категории	Количество	
		чел.	в %
1.	Направлено к месту жительства	281 780	18,31
2.	Призвано в армию	659 190	42,82
3.	Зачислено в рабочие батальоны Наркомата обороны (НКО)	344 448	22,37
4.	Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	226 127	14,69
5.	Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	27 930	1,81
	ИТОГО	1 539 475	100,00

*) ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

Представление о том, что высшее политическое руководство СССР якобы отождествляло понятия «пленные» и «предатели», относится к разряду придуманных задним числом небылиц. Подобное «сочинительство» обычно преследовало цель ошельмовать и дискредитировать И.В. Сталина. В частности, приписываемое Сталину выражение – «у нас нет пленных, у нас есть предатели» – является басней, сочиненной в 1956 г. в писательско-публицистической среде на волне критики культа личности. Художественный вымысел представляет и «отказ» Сталина произвести обмен пленными – фельдмаршала Паулюса на своего сына Якова Джугашвили.

Р.А. Медведев предполагает, что до 1946 г. включительно органами НКВД было репрессировано от 2 до 3 млн чел., проживавших на территории СССР, подвергавшейся фашистской оккупации [18]. В действительности в СССР в 1944–1946 гг. было осуждено по политическим мотивам 321 651 чел., из них 10 177 приговорено к высшей мере (по учету I спецотдела МВД). Большинство осужденных с бывшей оккупированной территории были наказаны справедливо – за конкретную изменническую деятельность.

Имеющее широкое хождение в западной советологии утверждение, что во время коллективизации 1929–1932 гг. погибло 6–7 млн крестьян (в основном кулаков), не выдерживает критики. В 1930–1931 гг. в «кулацкую ссылку» было направлено немногим более 1,8 млн крестьян, а в начале 1932 г. их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн приходилась на смертность, побег и освобождение «неправильно высланных». За 1932–1940 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 230 258, умерло 389 521, бежало 629 042 и возвращено из бегов 235 120 человек. Причем с 1935 г. рождаемость стала выше смертности: в 1932–1934 гг. в «кулацкой ссылке» родилось 49 168 и умерло 271 367, в 1935–1940 гг. – соответственно 181 090 и 108 154 чел. [19].

В научной и публицистической литературе нет согласия в вопросе – причислять ли раскулаченных крестьян к жертвам политических репрессий или нет? Раскулаченные делились на три категории, и их общее число варьировалось в пределах от 3,5 млн до 4 млн чел. (точнее установить пока сложно). Следует отметить, что кулаки 1-й категории (арестованные и осужденные) входят в приводимую в таблице 1 статистику политических репрессий. Спорным является вопрос относительно кулаков 2-й категории, направленных под конвоем на жительство в «холодные края» (на спецпоселение), где они находились под надзором органов НКВД, что очень походило именно на *политическую* ссылку. Кулаков

3-й категории, избежавших как ареста и осуждения, так и направления на спецпоселение, нет оснований, по нашему мнению, включать в число жертв политических репрессий. Попутно заметим, что из числа помещиков, у которых в 1918 г. была экспроприрована собственность, к жертвам политических репрессий можно относить только тех, кто в дальнейшем был арестован и осужден карательными органами советской власти. Нельзя отождествлять понятия «экспроприированные» и «репрессированные».

Автором данной работы изучен весь комплекс статистической отчетности Отдела спецпоселений НКВД–МВД СССР. Из него следует, что в 1930–1940 гг. в «кулацкой ссылке» побывало около 2,5 млн чел., из них порядка 2,3 млн составили раскулаченные крестьяне и примерно 200 тыс. чел. – «примесь» в лице городского деклассированного элемента, «сомнительного элемента» из погранзон и др. В указанный период (1930–1940) там умерло приблизительно 700 тыс. чел., из них подавляющее большинство в 1930–1933 гг. [20] В свете этого известное и часто цитируемое утверждение У. Черчилля, что в одной из бесед с ним И.В. Сталин якобы назвал 10 млн высланных и погибших кулаков [21], следует воспринимать как недоразумение.

В число жертв политического террора часто включаются умершие от голода в 1933 г., что вряд ли правомерно. Ведь речь-то идет о фискальной политике государства в условиях стихийного бедствия (засухи). Тогда в регионах, пораженных засухой (Украина, Северный Кавказ, часть Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана), государство не сочло нужным снизить объем обязательных поставок и изымало у крестьян собранный скудный урожай до последнего зерна, обрекая их на голодную смерть. Полемика по вопросу о численности умерших от голода далека от своего завершения – оценки варьируются в основном в пределах от 2 до 8 млн чел. [22] По нашим оценкам, жертвами голодомора 1932–1933 гг. стали около 3 млн чел., из них примерно половина – на Украине. Наш вывод, конечно, не является оригинальным, поскольку примерно такие же оценки еще в 80-х гг. XX в. давали историки В.П. Данилов (СССР), С. Виткрофт (Австралия) и др. [23].

Главным препятствием для включения умерших от голода в 1933 г. в число жертв именно политического террора с выработанной в правозащитных организациях формулировкой «искусственно организованный голод с целью вызвать массовую гибель людей» является то обстоятельство, что фискальная политика была вторичным фактором, а первичным – стихийное бедствие (засуха). Не преследовалась также цель вызвать массовую гибель людей (политическое руководство СССР не предвидело и не ожидало столь негативных последствий своей фискальной политики в условиях засухи).

До недавнего времени на Украине активно пропагандировалась идея (в том числе в научных кругах), что голод 1932–1933 гг. явился следствием антиукраинской политики Москвы, что это был сознательный геноцид в отношении украинцев. Но точно в таком же положении оказалось население Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана и других районов, где царил голод. Здесь не было какой-то избирательной антирусской, антиукраинской, антиказахской или какой-то иной направленности. Собственно, такими же соображениями руководствовалась и Организация Объединенных Наций, отказавшаяся в 2008 г. большинством голосов признать факт геноцида украинского народа (хотя США и Англия и голосовали за такое признание, но оказались в меньшинстве).

Сильно преувеличены также потери у депортированных в 1941–1944 гг. народов – немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и др. В прессе, к примеру, проскальзывали оценки, согласно которым до 40 % крымских татар умерло при транспортировке в места высылки. Тогда как из документов следует, что из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151 529, а в пути следования умер 191 чел. (0,13 %) [24].

Другое дело, что в первые годы жизни на спецпоселении в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость. С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. у выселенных немцев (без трудовой армии) родилось 25 792 и умерло 45 275, у северокавказцев (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и др.), соответственно 28 120 и 146 892, у крымчан (татары, армяне, болгары, греки) – 6564 и 44 887, у выселенных в 1944 г. из Грузии (турки-мехетинцы и др.) – 2873 и 15432, у калмыков – 2702 и 16 594 чел. С 1949 г. у них всех рождаемость стала выше смертности [25]. Выселение отдельных народов, с лишением их исторической родины, иначе называемое этнической чисткой, однозначно входит в разряд гуманитарных преступлений.

В число безусловных жертв большевистского режима дилетанты от истории включают все людские потери во время гражданской войны. С осени 1917 г. до начала 1922 г. население страны сократилось на 12 741,3 тыс. чел. [26]; сюда входит и белая эмиграция, численность которой точно неизвестна (ориентировочно 1,5–2 млн чел). Виновником гражданской войны безапелляционно объявляется только одна противоборствующая сторона (красная), ей приписываются все жертвы, включая свои собственные. Нередко утверждалось, что не будь Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров, то не было бы революции, Красного движения и гражданской войны. С таким же «успехом» можно утверждать, что не будь Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, то не было бы и Белого движения. Нелепость подобных утверждений совершенно очевидна. Самый мощный в мировой истории социальный взрыв, каковым являлись события 1917–1920 гг. в России, был предопределен всем предшествующим ходом истории и вызван сложным комплексом трудноразрешимых социальных, классовых, национальных, региональных и других противоречий. В свете этого наука не может расширительно толковать понятие «жертвы политических репрессий» и включает в него только лиц, арестованных и осужденных карательными органами советской власти по политическим мотивам. Это значит, что жертвами политических репрессий не являются миллионы умерших от сыпного, брюшного и повторного тифа и других болезней. Таковыми не являются также миллионы людей, погибших на фронтах гражданской войны у всех противоборствующих сторон, умершие от голода, холода и др. В итоге получается, что жертвы политических репрессий (в годы красного террора) исчисляются вовсе не миллионами. Самое большее, о чем можно вести речь – это о десятках тысяч.

По имеющемуся учету в ФСБ России в 1918–1920 гг. за «контрреволюционную преступность» был осужден 62 231 чел., в том числе 25 709 чел. приговорены к расстрелу [27]. Эти сведения составной частью входят в указанную выше статистику КГБ СССР (3 853 900 чел. за 1918–1990 гг.). Приведенная статистика периода гражданской войны неполная, в ней не учтены многие жертвы самосудов над «контрреволюционерами». Эти самосуды нередко вообще не документировались, а в ФСБ явно учтено только то количество, которое подтверждается документами. Вызывает также сомнение, что в 1918–1920 гг. в Москву поступала с мест исчерпывающая информация о числе репрессированных. Но даже с учетом всего этого общее число репрессированных «контрреволюционеров» (включая жертв «красного террора») в 1918–1920 гг. едва ли превышало 100 тыс. чел.

Наши публикации с опирающейся на архивные документы статистикой политических репрессий, заключенных ГУЛАГа, «кулацкой ссылки» оказали существенное влияние на западную советологию, заставив ее отказаться от своего тезиса о 50–60 млн жертв советского режима. Западные советологи вынуждены принимать в расчет опубликованную архивную статистику. В подготовленной в конце 1990-х гг. французскими специалистами «Черной книге коммунизма» этот показатель снижен до 20 млн [28]. Но его нельзя считать приемлемым. Он включает как ряд достоверных, подтвержденных архивными документами данных, так и оценочные многомиллионные цифры демографических потерь в гражданской войне, умерших от голода в разные периоды и др. Авторы «Черной книги коммунизма» в число жертв политического террора включили даже умерших от голода в 1921–1922 гг. (голодомор в Поволжье, вызванный сильнейшей засухой). Этого до них не делали ни Р.А. Медведев, ни многие другие специалисты в данной области. Тем не менее сам факт снижения (с 50–60 млн до 20 млн чел.) оценочных масштабов жертв советского режима свидетельствует о том, что в течение 1990-х гг. западная советология претерпела значительную эволюцию в сторону здравого смысла, но, правда, застряла на полпути в этом позитивном процессе.

По нашим подсчетам, строго опирающимся на документы, получается не более 2,6 млн при достаточно расширенном толковании понятия «жертвы политического террора и репрессий». В это число входят более 800 тыс. приговоренных к высшей мере по политическим мотивам, порядка 600 тыс. политических заключенных, умерших в местах лишения свободы, и около 1,2 млн скончавшихся в местах высылки (включая «кулацкую ссылку»), а также при транспортировке туда (депортированные народы и др.). Составляющие наших расчетов соответствуют сразу четырем критериям, указанным в «Черной книге коммунизма» при определении понятия «жертвы политического террора и репрессий», а именно: «расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти»; «депортация – смерть во время транспортировки»; «смерть в местах высылки»; «смерть в результате принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод)» [29].

В итоге мы имеем четыре основных варианта масштабов жертв (казненных и умерщвленных иными способами) политического террора и репрессий в СССР: 110 млн чел. (А.И. Солженицын); 50–60 млн чел. (западная советология в период «холодной войны»); 20 млн чел. (западная советология в постсоветский период); 2,6 млн чел. (наши, основанные на документах, расчеты).

Может возникнуть вопрос: а где же 40 млн чел. Р.А. Медведева? Эта цифра несопоставима с приведенными выше: там речь идет только о казненных и умерщвленных иными способами, а статистика Р.А. Медведева включает в себя также миллионы людей, которые хотя и подвергались различным репрессиям, но остались живы. Это, однако, не отменяет того факта, что она все равно является многократно преувеличенной. В приведенную нами статистику репрессированных по политическим мотивам входят как невинно пострадавшие, так и получившие по заслугам (полицай, каратели, зондеркомандовцы и т.п.). Определение соотношения между ними (и по численности, и по удельному весу) нуждается еще в своем исследовании и уточнении.

Примечания:

1. Земсков В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Земсков В.Н. «Архипелаг ГУЛАГ»: глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45; Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4; Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2; Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. №№ 6–7 и др.
2. Известия. 1992. 3 августа.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205.
4. Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
5. Davies R., Wheatcroft S. Steven Rosefield's «Kliukva» // Slavic Review. № 39. (December 1980); Wheatcroft S. On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union. 1929–1956 // Soviet Studies, 35, no. 2 (1983); Getty A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. New York, 1985; Pittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR. 1933–1953. Philadelphia, 1991; и др.
6. Правда. 1990. 14 февраля.
7. Вечерняя Москва. 1990. 14 апреля.
8. Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.
9. Шатуновская О.Г. Фальсификация // Аргументы и факты. 1990. № 22.
10. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2–3; Д. 1190. Л. 1–34; Д. 1390. Л. 1–21; Д. 2740. Л. 1, 5, 8, 14, 26, 38, 42, 48, 52, 58, 60, 70, 96–110; Д. 2891. Л. 1, 6, 11, 16, 18; Ф. 9413. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2; Возрождение надежды. М., 1999. № 8. С. 3; Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 22, 35, 41, 43, 45, 49; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 319–320; М., 2001. Т. 2. С. 195.
11. Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1. С. 319–320; М., 2001. Т. 2. Т. 2. С. 195.
12. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2887. Л. 64.
13. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 55; Д. 1155. Л. 1–3; Д. 1190. Л. 1–34; Д. 1390. Л. 1–21; Д. 1398. Л. 1; Д. 1427; Л. 132–133, 140–141, 177–178.
14. Антонов-Овсеенко А.В. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апреля. С. 3.
15. Земсков В.Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.
16. Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny. New York, 1980. P. 212.
17. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223–226.
18. Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
19. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 216.
20. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 34–35.

21. Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 4. С. 493.
22. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографическая катастрофа» 30–40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121; Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 86; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. С. 270–271.
23. Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 250.
24. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 241–242.
25. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 14, 26, 65–67.
26. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 98, 118.
27. Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997. С. 180; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 314.
28. Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии / Пер. с франц. М., 1999. С. 37.
29. Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии / Пер. с франц. М., 1999. С. 36.

References:

1. Zemskov V.N. Chislennost' i sostav spetsposelentsev po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1953 g. // Argumenty i fakty. 1989. № 39; Zemskov V.N. «Arhipelag GULAG»: glazami pisatelya i statistika // Argumenty i fakty. 1989. № 45; Zemskov V.N. K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan. 1944–1951 gody // Istoriya SSSR. 1990. № 4; Zemskov V.N. Ob uchete spetskontingenta NKVD vo vsesoyuznykh perepisyakh naseleniya 1937 i 1939 gg. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. № 2; Zemskov V.N. GULAG: istoriko-sotsiologicheskii aspekt // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. №№ 6–7 i dr.
2. Izvestiya. 1992. 3 avgusta.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF). F. R 9401. Op. 1. D. 4157. L. 201–205.
4. Medvedev R.A. Nash isk Stalinu // Moskovskie novosti. 1988. 27 noyabrya.
5. Pravda. 1990. 14 fevralya.
6. Vechernyaya Moskva. 1990. 14 aprelya.
7. Razmyshleniya po povodu dvukh grazhdanskikh voyn: Interv'yu A.I. Solzhenitsyna ispanskomu televideniyu v 1976 g. // Komsomol'skaya pravda. 1991. 4 iyunya.
8. Shatunovskaya O.G. Fal'sifikatsiya // Argumenty i fakty. 1990. № 22.
9. GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 1155. L. 2–3; D. 1190. L. 1–34; D. 1390. L. 1–21; D. 2740. L. 1, 5, 8, 14, 26, 38, 42, 48, 52, 58, 60, 70, 96–110; D. 2891. L. 1, 6, 11, 16, 18; F. 9413. Op. 1. D. 11. L. 1–2; Vozrozhdenie nadezhdy. M., 1999. № 8. S. 3; Dugin A.N. Neizvestnyi GULAG: Dokumenty i fakty. M., 1999. S. 22, 35, 41, 43, 45, 49; Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. M., 2000. T. 1. S. 319–320; M., 2001. T. 2. S. 195.
10. Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. M., 2000. T. 1. S. 319–320; M., 2001. T. 2. T. 2. S. 195.
11. GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 2887. L. 64.
12. GARF. F. R-9414. Op. 1. D. 330. L. 55; D. 1155. L. 1–3; D. 1190. L. 1–34; D. 1390. L. 1–21; D. 1398. L. 1; D. 1427; L. 132–133, 140–141, 177–178.
13. Antonov-Ovseenko A.V. Protivostoyanie // Literaturnaya gazeta. 1991. 3 aprelya. S. 3.
14. Zemskov V.N. GULAG: istoriko-sotsiologicheskii aspekt // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. № 6. S. 13.
15. GARF. F. R-9526. Op. 4a. D. 1. L. 62, 223–226.
16. Medvedev R.A. Nash isk Stalinu // Moskovskie novosti. 1988. 27 noyabrya.
17. GARF. F. R-9479. Op. 1. D. 89. L. 205, 216.
18. Zemskov V.N. Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960: Avtoref. diss... d-ra ist. nauk. M., 2005. S. 34–35.
19. Churchill' U. Vtoraya mirovaya voyna / Per. s angl. M., 1955. T. 4. S. 493.
20. Danilov V.P. Diskussiya v zapadnoi presse o golode 1932–1933 gg. i «demograficheskaya katastrofa» 30–40-kh godov v SSSR // Voprosy istorii. 1988. № 3. S. 116–121; Konkvest R. Zhatva skorbi // Voprosy istorii. 1990. № 4. S. 86; Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 1. S. 270–271.

21. Danilov V.P. Kollektivizatsiya: kak eto bylo // Stranitsy istorii sovetskogo obshchestva: fakty, problemy, lyudi. M., 1989. S. 250.
22. GARF. F. R-9479. Op. 1. D. 179. L. 241–242.
23. GARF. F. R-9479. Op. 1. D. 436. L. 14, 26, 65–67.
24. Polyakov Yu.A. Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoi voyny: territoriya i naselenie. M., 1986. S. 98, 118.
25. Lunev V.V. Prestupnost' XX veka. M., 1997. S. 180; Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. Politicheskaya yustitsiya v SSSR. M., 2000. S. 314.
26. Chernaya kniga kommunizma: Prestupleniya. Terror. Repressii / Per. s frants. M., 1999. S. 37.
27. Chernaya kniga kommunizma: Prestupleniya. Terror. Repressii / Per. s frants. M., 1999. S. 36.

UDC 94

**Political Repressions in USSR
(Against Speculations, Perversion and Mystifications)**

Viktor N. Zemskov

Institute of Russian History, RAN (Russian Academy of Science), Russia
PhD (History), Senior Researcher
19, Dm. Ulyanov Str., Moscow

Abstract. In the article the great numbers of political repressions, which were exaggerated by authors: R.A. Medvedev, A.I. Solzhenitsyn, O.G. Shatunovskoy, A.V. Antonov-Ovseenko in 80-90s are criticized. The author characterizes figures given in tens and even in hundreds of millions of victims as a statistical charlatanism.

After checking up the KGB archives, and documents of division responsible for NKVD-MVD special settlements, the author spills the light on real numbers of political repressions in USSR. In his view, the total number of political victims does not exceed 2, 6 million people. This number implies over 800 thousand of death sentenced for political reasons, around 600 thousand political prisoners who died in labor camps, and about 1, 2 million people died in exile (including 'Kulak Exile') and during transportation (deported ethnic groups and others).

Keywords: numbers; repression.